

УДК 821.352.1.09

ББК 83.3 (2=Као)

Ч 37

Чекалов П.К.

Доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Ставропольского краевого института повышения квалификации работников образования, e-mail: Chekalov58@rambler.ru

Лирика Керима Мхце в орбите творческих взаимосвязей

(Рецензирована)

Аннотация:

Исследуются творческие связи абазинского поэта К. Мхце с отечественными и зарубежными писателями разных эпох. В произведениях Шекспира, Петрарки, Гамсуна, Экзюпери, Блока, Рождественского, Евтушенко, Высоцкого, Кулиева выявляются сюжеты, образы, мотивы, идеи, нашедшие свое место в поэтическом наследии национального автора. Установлено, что умение абазинского поэта интерпретировать, органично использовать литературные факты в своей творческой практике обогащало художественную палитру национального автора, формировало его эстетические предпочтения, встраивало его поэзию в русло традиций русской и мировой литератур.

Ключевые слова

Творческие связи, национальное, общечеловеческое, сонет, миниатюра, лирический герой, интонация, позиция, канон, образ, мотив.

Chekalov P.K.

Doctor of Philology, Professor of Department of the Humanities, Stavropol Regional Institute of Professional Development of Educators, e-mail: Chekalov58@rambler.ru

The lyric poetry of Kerim Mkhitse in an orbit of creative interrelations

Abstract:

The paper examines creative relations of the Abazin poet K. Mkhitse with national and foreign writers of different eras. The author reveals the plots, images, motives and ideas, which have found the place in poetic heritage of the national author, in the works of Shakespeare, Petrarca, Hamsun, Antoine de Saint-Exupéry, Blok, Rozhdestvensky, Evtushenko, Vysotsky and Kuliyevev. It is established that ability of the Abazin poet to interpret and organically use the literary facts in the creative practice enriched an art palette of the national author, formed his esthetic preferences, and built his poetry in the course of traditions of the Russian and world literatures.

Keywords:

Creative relations, national, universal, sonnet, miniature, lyrical hero, intonation, position, canon, image, motive.

Известные адыгейские ученые-филологи А.А. Схалыхо и Р.Г. Мамий считают взаимовлияние и взаимопроникновение национального и общечеловеческого единственно верным путем развития литературы [1: 108]. Верность этого тезиса подтверждается и творческой судьбой абазинского поэта К.Л. Мхце, которого в свое время нацио-

нальная газета ставила рядом с Сергеем Есениным: «Их роднит боль за родную страну и свой народ, открытость лирического героя, нежность поэтического слова, умение передать невыразимые движения души, соотношение, слияние природного и человеческого начал, умение выводить одно из другого, пояснять одним другое. Объединяет этих поэтов и свойственное им глубокое образное мышление» [2: 3].

Творчество Керима Мхце – одно из наиболее активно осваиваемых направлений в абазинском литературоведении, исследованию подверглись даже метрико-ритмические особенности его поэзии [3: 66 – 70], но до сих пор нет ни одной работы, раскрывающей воздействие на него представителей отечественной и мировой литератур. И рассмотрение этого вопроса, как нам представляется, необходимо начинать со следующего факта: в 1970 г. Мхце поступил и в 1975 г. окончил Литературный институт им. Горького в Москве. Вспоминая обучение в этом вузе, поэт говорил: «Мой интеллект и общий уровень культуры до поступления в институт, можно сказать, были равны нулю. Когда я окончил, может быть, не столь глубоко, но, тем не менее, какое-то представление о мировой культуре у меня сложилось. Для пишущего человека это имеет огромное значение. Если я абазинский писатель, это никак не означает, что я должен ограничиваться традициями только этой литературы, что я не должен иметь иных культурных корней, иных ориентиров. Так я ничего не создам, и литература наша и шага не ступит вперед, если все мы начнем придерживаться такого мнения. В этом отношении трудно переоценить то, что дал мне Литературный институт: это бездонный клад» [4: 3].

За годы обучения в Литинституте Керимом было освоено 45 дисциплин. Была пройдена вся зарубежная литература, начиная с античной и заканчивая современной, вся русская литература от фольклора и древнерусской до второй половины 20 века.

Важное значение имели теоретические курсы: введение в литературоведение, теория и практика стихосложения, драмы, художественной прозы и перевода. В программе свое прочное место занимали языковедческие курсы: история русского литературного языка, введение в языкознание, современный русский язык, практическая стилистика, теория и практика редактирования. Большую роль в расширении культурного кругозора играли также дисциплины по основам музыкального, изобразительного, театрального искусства, кинодраматургии и киноискусства.

Знакомство с мировой литературной классикой сказалось на творчестве абазинского поэта, и уже в студенческие годы в его стихах нашли свое место различные экзотические наименования (Аргентина, Гренада, Сьерра, Сантьяго, Вирияму), образы (синьорина, петенера, сомбреро), названия звезд (Альдебаран, Зухра – название Венеры на Востоке), имена писателей (Шекспир, Пабло Неруда), представители античной мифологии (Диана)...

13 ноября 1973 г. третьекурсни́к Мхце опубликовал в национальной газете «Сонет», ставший первым опытом данной твердой формы в абазинской поэзии. По основным формальным, метрическим, стилистическим признакам произведение Мхце максимально соответствовало классическому канону сонета, и эта сторона уже изучена [5: 107 – 109]. Сейчас сосредоточим внимание на финале стихотворения, где молодой национальный поэт бросает вызов самому Шекспиру.

Чтобы понять суть творческой полемики, напомним, что в 102-м сонете английский драматург и поэт утверждал: «Торгует чувством тот, кто перед светом / Всю душу выставляет напоказ». С этой этической линией связана и мысль, прозвучавшая у него в самом конце 21-го сонета: «Я не хочу хвалить любовь мою, – / Я никому ее не продаю!»

Позиция Шекспира ясна: только торгошники расхваливают свой товар; если

же любовь не продается, то нечего ее и превозносить. Как будто бы все логично и правильно. Но именно этот тезис оспаривается абазинским поэтом в заключительных терцетах «Сонета»:

*Шекспир йхIвун: «Сара йгьстиуам сбзи-
бара.*

*Ауи акIвпI ауи зынги йызсмыртихъвауа,
Ймарата йа ймышIата зсымхIвауа».*

*Сарги йгьстиуам. Ауаса санйицтара
СаиIамсуата йсыртихъвитI сара ауи,
Йыжвдырныс ахъаз йызсымтиуагы.*

(Шекспир говорил: «Я не торгую любовью, и потому никогда ее не хвалю, сравнивая с солнцем или молодой луной». И я не торгую. Но с тех пор, как встретился с ней, непрестанно славлю ее, чтобы знали вы, почему я ею и не торгую).

Спор с самим Шекспиром, попытка опровержения его высказывания, казалось бы, должна была обернуться провалом для национального поэта. Он не мог не понимать этого и, тем не менее, вступил в полемику, не боясь дискредитировать себя и свой слог на фоне освященных веками строк. И нужно признать, что Мхце показал себя достойным оппонентом, в чьей позиции обнаруживается своя твердая логика, усиливаемая еще больше интонацией внутренней убежденности в своей правоте.

Показательным в плане творческих влияний выступает и следующее четверостишие:

*ЙгIасгвыквIвитI пхIвысна бжъыкI: «Зны
угласызтшы,*

*Уымгвжважван, сара сакIвпI йазалху уы-
лахь!»*

*Ауаса йгвыжвкIтI сызсыз къамчыла
стшы,*

*ЙсызгIаиIамрысхуа станагитI ахъы-
лагь.*

(До меня доносится голос девушки: «Подожди меня, не торопись, это я предназначена тебе судьбой!» Но взвился ударенный камчой мой конь и неудержимо уносит меня в пропасть)...

В 1972 г. специально для кино-

фильма «Земля Санникова» В. Высоцкий написал песню «Кони привередливые», которая затем в фильм все-таки не попала, но вошла в спектакль «Там, вдали» Московского литературно-драматического театра ВТО:

*Вдоль обрыва, по-над пропастью, по са-
мому по краю*

*Я коней своих ногойкою стегаю, пого-
няю...*

*Что-то воздуху мне мало – ветер пью,
туман глотаю, –*

*Чую с гибельным восторгом: пропадаю,
пропадаю!..*

Песня стала популярной, и своенравные кони, олицетворявшие творческую судьбу поэта-песенника, балансирующего «по-над пропастью», прочно были увязаны с именем Высоцкого.

Стихотворение Мхце с песней Высоцкого сближает в первую очередь образ вышедшего из повиновения коня, олицетворяющего уже личную судьбу национального автора. Но, думается, что здесь Мхце оказался в поле притяжения не одного Высоцкого: еще в 1910 г. в стихотворении «Черный ворон в сумраке снежном...» А. Блок вывел колоритный образ рысака, несущегося к бездне:

*Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.*

Естественно предположить, что обучавшийся в Литературном институте К. Мхце мог знать эти строки, как и другие, принадлежавшие перу Ф. Петрарки:

*Слепая страсть, поводяю не покорна,
Тем более желаний конь строптив.*

И вырвав у меня ремяный повод,

Он мчит меня, лишив последней воли,

Туда, где лавр над пропастью царит.

Тематическая близость всех четырех стихотворных текстов очевидна. Это позволяет предположить, что поэтический импульс к созданию лирической миниатюры Мхце мог получить как от Высоцкого, так и от Блока, и от Петрарки. Но в то же время необходимо оговорить, что эти предположения не могут совершенно

исключать и того, что образ вышедшего из повиновения коня в творчестве Мхце мог возникнуть самостоятельно, безотносительно к упомянутым выше поэтам.

Творческие связи Мхце с другими поэтами обнаруживаются не только в студенческие годы, но во все периоды его творческой деятельности. В 1987 г. вышел сборник «Вначале была любовь», название которому дала предпоследняя строка данного стихотворения:

*Сквызыкь шарда цитI ауасаражвква
ЙамакIуицтара йабарыс;
ЙырхIвитI: «Апхъапхъа йаъан Ажва!»
ЙырхIвитI: «Момо, йапхъан Ауыс!»
ХIдуней ахъахь сГIамдауицтара
ДатианI, датианI сара йхъасцIаз:
Апхъапхъа йаъан Абзибара –
Ауысгьи Ажвагьи Глазшаз.*

(Много тысячелетий спорили мудрецы. Одни говорили: «Вначале было Слово!» Другие: «Нет, вначале было Дело!» С тех пор, как обхожу эту землю, в другое, в другое уверился я: *вначале была Любовь*, породившая и Дело, и Слово).

Заметим сразу: мысль, положенная в основу стиха, была не нова. В самом конце 19 века норвежский писатель Кнут Гамсун в романе «Виктория» устами монаха Вендта выразил сходное суждение: «Любовь – это первое слово, произнесенное богом, первая мысль, осенявшая его. Когда он произнес: «Да будет свет!» – появилась любовь. И все, что он сотворил, было так прекрасно, что он ничего не хотел переделывать. И любовь стала первоисточником мира и его властелином».

Уже в 20 в. балкарский поэт Кайсын Кулиев поэтически обыграл эту же идею:

*Весь мир согрет любви извечным светом,
И ярче света нет на свете этом.
Не солнца свет, а свет любви во мгле –
Первопричина жизни на земле.*

Но ближе к восьмистишию Мхце – стихотворение Роберта Рождественского: **Все начинается с любви...**

Твердят: «Вначале было слово».

*А я провозглашаю снова:
все начинается с любви!..*

Примеры показывают: утверждение о том, что любовь является началом всех начал, существовала и до Керима, но он первым озвучил эту мысль на абазинском языке, придав любовной теме философское звучание.

Прежде, чем перейти к рассмотрению следующего произведения, вспомним, что после Октябрьской революции 1917 года женщины были официально уравниены в правах с мужчинами, и это явилось одним из величайших достижений социалистической демократии. Но с годами обнаружился некий парадокс, запечатленный Е. Евтушенко в стихотворении «Благодарность» (1968):

*Какой занятный общества этап,
Коварно подготовленный веками:
Мужчины стали чем-то вроде баб,
А женщины – почти что мужиками.*

Неожиданный ракурс рассмотрения положения вещей позволил советскому поэту прийти к противоположному декларациям времени заключению:

*Мы женщину сместили. Мы ее
Унизили до равенства с мужчиной.*

Заметим, что к решению вопроса Евтушенко подступает в социально-политическом ключе. Мхце ту же самую проблему переводит в философскую плоскость:

*Момо, бара быгьГIалрымхтI сьдза.
Ба бакIвпI, апхIвыс, сара сГIазшаз анчва!
ЙГIасьзтда, цта, гьизин сара уахъIва
БГIанасыркъвныс бара ахъацIа йпндыза?
(Нет, тебя не извлекли из моего ребра. Ты, женщина, создавшая меня, – богиня! Так кто сегодня дал мне право, тебя до уровня мужчины низводить?)*

Отметим у обоих поэтов единую мысль о том, что уравнение в правах с женщиной для женщины выступает не оказанием чести, не возвышением, а низведением ее с высоты того положения, которое она занимала в жизни общества на протяжении тысячелетий.

В сборник «Вначале была любовь» было включено и стихотворение «Экзюпери», которому был предпослан эпитафия из повести Антуана де Сент-Экзюпери «Планета людей»: «Держитесь!.. Мы идем!.. Мы спасем вас!» Эпитафия передает стихотворению атмосферу свершившейся катастрофы, и таким образом Мхце как бы вводит свое стихотворение в контекст известной повести французского писателя. Напомним сложившуюся в седьмой главе ситуацию: после авиакатастрофы летчик и механик остались одни посреди Сахары. Они осознают полнейшую безвыходность и, тем не менее, вступают в борьбу за жизнь, но, как это ни покажется парадоксальным, не столько за свою, сколько за жизнь тех, кто им дорог и любим ими: *«Каждая секунда нашего молчания убивает тех, кого я люблю. Неудержимый гнев закипает во мне: отчего я скован и не могу помчаться на помощь? (...) Держитесь!.. Мы идем!.. Мы спасем вас! (...) И снова убеждаемся – это не мы терпим бедствие. Терпят бедствие те, кто нас ждет! Те, для кого так грозно наше молчание. Те, кого уже терзает чудовищная ошибка. Как же к ним не спешить!»*

Подчеркнем: на помощь идут не те, чье положение благополучно, и не к тем, кто потерпел аварию посреди Сахары, а именно они, обреченные на гибель и нуждающиеся в экстренном спасении, спешат к тем, кто в них нуждается. В этом парадоксе заключен весь пафос произведения и все его величие.

Несомненно, что абазинского поэта не могла не покорить такая позиция героя, такое отношение к миру и человечеству, и потому он перенимает не только основную идею и пафос французского произведения, но, как мы заметили выше, – и сюжет. Используя лирические возможности, Мхце ставит своего героя в ту же ситуацию, в которой оказались летчики, разница только в том, что в отличие от реального крушения в повести Экзюпери у героя Мхце крушение духовное; если ге-

роям повести, чтобы выжить, суждено пройти физические мытарства, то герой Мхце испытывает мытарства моральные. Произведение создано в форме свободного стиха, каждая деталь в нем многозначительна и потому воспроизведем его целиком в подстрочном переводе:

«Самолет мечты моей юности / летел среди звезд, / но крылья его устали, / и он упал в безводной пустыне. / Люди, я хотел сообщить о себе, / но рация повреждена. / До конца горизонта молча лежит предо мной / Сахара безмятежности, равнодушия, / бледных дел и слез бессилия. / Из трещин земли выглядывают / разлапистые пауки и уродливые ящерицы; / снижаясь при моем падении / и взмывая вверх, когда поднимаюсь, / кружит надо мной серый стервятник. / Много дней, много жизней уже / тяжело передвигаю свои окровавленные ноги, – / я иду туда, куда направлена голова, / направлено сердце, направлена душа. / ... Своим исчезновением, своим молчанием / мы убиваем любимых людей. / И поэтому, / хотя бы только поэтому / я не исчезну, / я не исчезну / в этой безлюдной пустыне, / где меня никогда не найдут. / Голосом любящим сердца моего, / любящие меня человеки, / я прошу вас: / не падайте духом, / поверив в мое затянувшееся молчание. / Я иду к вам, / я иду в вашу сторону, – / я спасу вас!»

Обратим внимание на то, что людское равнодушие, инфантильность и безмятежность воплощены в соответствующий сюжету образ распластавшейся до горизонта Сахары. Это пустынное море людской апатии приобретает еще более негативную эмоциональную окраску при помощи воссоздания уродливых его обитателей. И потому не мудрено, что морально разбитый «самолет мечты юности» не смог преодолеть громадное пространство, устал и сложил крылья. И, тем не менее, сам «летчик» не сдаётся до последнего, – он пешком пытается преодолеть то расстояние, которое оказалось не под силу самолету мечты, и, ведомый

одной любовью, бредет в сторону людей долгие дни, по наполненности страданием равные жизням.

Можно заметить, что сюжеты двух произведений развиваются параллельно, абазинский автор включает в стихотворение даже «поврежденную рацию», подсказанную, вероятно, упоминанием Экзюпери о том, что «и радио на борту нет». И это не единственная реминисценция, Мхце ориентируется на них сознательно: «своим молчанием мы убиваем любимых людей», «я иду к вам... я спасу вас!», при этом не покушаясь на авторство и названием стихотворения и эпиграфом к нему указывая конкретный источник. Для него важно и самоценно уже то, что грандиозные по смысловой наполненности и великолепные по форме выражения идеи зазвучали на абазинском языке и вошли в национальный культурный обиход. Но при этом было бы несправедливо утверждать, что стихотворение Мхце – лишь калька французской повести. Абазинский автор создал лирическое произведение, построенное и развивающееся по своим законам. Мхце воссоздает картину и детали, характерные в первую очередь для положения его героя. Так, на-

пример, Сахара в повести Экзюпери – реальная пустыня, и она никакого дополнительного образного смысла не несет, тогда как у Мхце это образ, воплощающий гигантские размеры людского равнодушия. Поэт добивается лирической полноты, вводя в текст образы разлапистых пауков, уродливых ящериц, серого стервятника, отсутствующие у Экзюпери. Но пафос двух произведений один и тот же, и Мхце использует его потому, что соответствует его жизненной философии. И, таким образом, эффектный финал – не искусственное построение, а естественный и логический исход мировоззрения лирического героя, его отношения к миру, величайшей любви к людям.

Творческие связи в лирике К. Мхце проявляют себя широко, многоаспектно и заслуживают объемного исследования. Наша попытка приблизиться к этой теме показывает умение абазинского поэта интерпретировать, органично использовать литературные факты в своей творческой практике. Это обогащало художественную палитру национального автора, формировало его эстетические предпочтения, встраивало его поэзию в русло традиций русской и мировой литератур.

Примечания:

1. Схалыхо А.А., Мамий Р.Г. Взаимопроникновение национального и инационального – диалектический путь развития литературы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 1. С. 103-108.
2. Чекалов П. «Оценят жизнь мою потом» // Абазашта. 1993. 11 сент.
3. Чекалов П.К., Шиков Н.М. Метрико-ритмическая палитра сборника К.Л. Мхце «В одном мире» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 2. С. 66-70.
4. Мхце К.Л. «Часть истории моей жизни...» // Абазашта. 1999. 5 окт.
5. Чекалов П.К., Тхайцухова А.М. Ранняя лирика К.Л. Мхце. Невинномысск, 2008. 222 с.

References:

1. Skhalyakho A.A., Mamy R.G. Interpenetration of national and non-national as a dialectic way of development of literature // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2012. Iss. 1. P. 103-108.
2. Chekalov P.K. «They will appreciate my life later» // Abazashta. 1993. Sept. 1.

3. Chekalov P.K., Shikov N.M. Metric-rhythmic palette of the collection of K.L. Mkhitse «In one world» // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2012. Iss. 2. P. 66-70.
4. Mkhitse K.L. «Part of the story of my life ...» // Abazashta. 1999. Oct. 5.
5. Chekalov P.K., Tkhaytsukhova A.M. The early lyrics of K.L. Mkhitse. Nevinnomyssk, 2008. 222 pp.